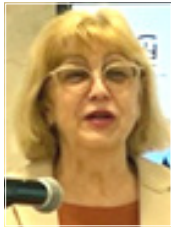

Книжная рецензия
УДК 130.2
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-144-153>

Энергия мысли и действия

Ольга Дмитриевна Вишнякова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ol-vish@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>

Григорий Николаевич Вырубов: русский философ-позитивист в европейском контексте: воспоминания / составители Н. Д. Лобанов-Ростовский, Е. С. Федорова, под редакцией Е. С. Федорова. — Москва: Языки славянских культур, 2024. — 560 с.

Для цитирования: Вишнякова О. Д. Энергия мысли и действия // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 144–153. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-144-153>

Book review

Thought and Action Energy

Olga D. Vishnyakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ol-vish@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-1617-051X>

Lobanov-Rostovsky, N. D. and Fedorova, E. S. (eds) (2024) *Grigorij Nikolaevich Vy`rubov: russkij filosof-pozitivist v evropejskom kontekste: vospominaniya* [Grigory Nikolaevich Wyruboff: Russian positivist philosopher in the European context: memoirs]. Moscow: Yazy`ki slavyanskix kul`tur Publ. (In Russian).

Abstract. Grigory Wyruboff (1843–1913) was a Russian positivist philosopher whose major works remain little-known and largely inaccessible in Russia. As he spent most of his life in France his philosophical, sociological, and methodological writings, written primarily in French, were never translated or published in Russian. This volume, edited by N. D. Lobanov-Rostovsky and E. S. Fedorova,

© Вишнякова О. Д., 2026

introduces Wyruboff's Russian-language literary heritage, presenting his memoirs and archival articles with detailed commentary — the first such publication in Russia. Wyruboff's writings are marked by an original and temperamental style: vivid, engaged, and abundant in historical detail. His memoirs are particularly valuable for their broad depiction of the social life of his era. He offers a thorough account of the education system at the Alexander Lyceum in the late 1850s and at Moscow University in the early 1860s, reflecting on his experiences and proposing potential improvements. As both an observer and participant, Wyruboff provides firsthand descriptions of major historical events, including the Paris Commune of 1871, the Second Carlist War in Spain, and the Russian-Turkish war of 1876–1877. The collection also includes Wyruboff's articles from French newspapers of the late 1860s, which form a series of sociocultural essays — a journalistic approach novel to Russian periodicals of the time. Through these essays, he systematically analyzes the sociopolitical dynamics of French society and speculates on its developmental trends. Notably, this edition is the first to publish Wyruboff's sociological analyses based on press materials. The volume is well-organized and encompasses a wide range of Wyruboff's works, including his early article *Russia and Positivism*. It also features memoirs by his contemporaries, which offer justified insight into his influence on the moral and scientific outlook of young intellectuals. A distinctive aspect of the publication is its commentary, compiled with the assistance of Wyruboff's relatives, adding a personal dimension to the scholarly apparatus. This edition represents a significant step in reclaiming Wyruboff's overlooked legacy, making his Russian-language works available to a broader audience. It will be of interest to scholars of positivism, 19th-century intellectual history, and Russian-French cultural exchange.

For citation: Vishnyakova, O. D. (2026) 'Thought and Action Energy', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(1), pp. 144–153. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-144-153>

Нельзя утверждать, что имя философа-позитивиста Григория Вырубова (1843–1913) не известно специалистам. Это имя присутствует, например, на сайте философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, где также даются вехи его творческого и жизненного пути. Однако с уверенностью можно сказать, что основные тексты этого автора до сих пор недоступны российскому читателю. Дело в том, что Григорий Николаевич Вырубов большую часть жизни работал во Франции и писал на французском языке: вместе с Эмилем Литтре выпускал журнал «*La philosophie positive*» (Положительная философия), где постоянно публиковал и собственные статьи, читал лекции по физике в Сорбонне, заведовал кафедрой истории науки в Collège de France, занимался химическими опытами по кристаллографии в открытой им в Париже собственной лаборатории, где, в частности, создал первый в мире синтетический рубин, который ныне является музейным экспонатом Сорбонны и носит имя «Wyruboff». Его научные сочинения, связанные с проблемами философии,

социологии, научной методологии, не переведены на русский язык. Соответственно русскому читателю затруднительно проследить ход его мысли, логику повествования, оценить исторический вклад Вырубова в развитие философии позитивизма, в молодую тогда социологию (а учёного называют одним из первых социологов России), проанализировать его понимание современных ему философских течений.

Тексты философа на русском языке

Чтобы познакомить российского читателя с наследием Вырубова, авторам данной книги нужно было начать с верной ноты, способной его заинтересовать. На наш взгляд решение было правильным и сделало издание уникальным по нескольким причинам.

Во-первых, как оказалось, тексты этого (в своё время известного всей европейской и российской интеллектуальной публике философа) на русском языке долгое время не публиковались. После их выпуска по частям в дореволюционной периодической печати они были прочно забыты. В данном

издании впервые публикуются мемуары Вырубова на русском языке.

Более того, составителям удалось найти среди дореволюционной периодики, среди журналов (и даже газет), значительные сочинения Вырубова, которые он писал и присылал в Россию в конце 1860-х и начале 1910-х гг. Они представлены в книге с детальными комментариями, историко-культурными, фактологическими и филологическими, поясняющими своеобразие языка автора.

Итак, оказалось, что существуют тексты Вырубова, написанные им на родном языке. Причём в жанре мемуаристики, который наиболее близко знакомит с личностью литератора. В данном случае авторы недаром назвали философа литератором. Ибо мемуаристика оказалась не только подвластна перу строгого учёного — его воспоминания представляют собой социально значимые тексты, которые за столетие, прошедшее со времени написания, не только не потускнели, но, напротив, приобрели исторический вес. В этих мемуарах мы наблюдаем чётко описанные ситуации, честные (а потому нередко нелюбезные) характеристики персонажей, оригинальные суждения и неожиданные выводы, без оглядки на то, что сегодня можно было бы назвать политкорректностью, повесткой, либо просто общепринятыми взглядами и установками.

Мемуары. Полёт мысли, рациональность решений, отвага действий

На склоне лет, в начале 1910-х гг., учёный, не в силах более заниматься лабораторными научными исследованиями, обратился к анализу системы образования в России, конкретно описав её в форме мемуаров применительно к Александровскому лицей (1858, 1860–1862) и Московскому университету (1862–1864). Он продолжил воспоминания, описав личные наблюдения над ходом Франко-прусской

войны 1870–1871 гг. и над событиями Парижской коммуны 1871 г.; свои впечатления как свидетеля 2-ой карлистской войны в Испании 1874 г., наконец, рассказал о своём участии в русско-турецкой войне 1876–1877 гг., куда отправился добровольцем. При этом адресовал Вырубов свои воспоминания именно русскому читателю. Ниже приведём фрагменты, позволяющие ощутить своеобразие литературного стиля учёного. Темперамент и горячность рассказчика, пристрастное мнение очевидца и обилие деталей, замеченных острым взглядом, делают эти тексты важной вехой в изучении исторических событий и для специалистов, и для широкого круга читателей.

В Александровский лицей Григорий Вырубов попал потому, что его мать выбрала ему дипломатическую карьеру. Вырубов без сантиментов резко и прямо высказывает своё, прямо скажем, не самое лестное, мнение о подобной перспективе: «Выбор карьеры был совсем неудачен. С моим с детства независимым характером, с моей с ранних лет приобретённой привычкой высказывать всегда своё мнение без всяких околичностей, я на всю жизнь остался бы последним из последних, особенно в мире тех блуждающих чиновников, которые без всякой определённой цели и без всякого полезного труда таскают по западным и восточным столицам свои изящные фраки и свои шитые мундиры... Зато выбор школы был очень удачен, и, помимо всего того, чем я обязан матери, за этот выбор я ей глубоко благодарен. Лицей имел несомненно самое благотворное влияние на всю мою жизнь»¹ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 69]. Примером отношения к науке в лицее стал для него профессор ботаники Н. Н. Кауфман: «он любил свою науку не прерывисто, не урывками, а той тихой, спокойной любовью, которая позволяет дойти до результатов, быть может, не блестящих, но верных»² [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 71]. Резко и непримиримо характеризует Вырубов

¹ Вырубов Г. Н. Школьные воспоминания. Александровский лицей (1910).

² Там же.

преподавателя по латыни: «Он представлял из себя ходячую грамматiku; кроме неё он ничего не знал — ни римской истории, ни римских нравов, ни римской словесности. Цезарь и Овидий, Гораций и Тацит — всё это было подведено под одну мерку: во всём этом он видел только примеры правил и исключения»³ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 73]. Из-за этого подхода Вырубов надолго почувствовал предубеждение к Античности как к предмету обучения, пока сам в зрелом возрасте не пришёл к выводу о необходимости преподавать её в разных аспектах: Античность «вошла, как необходимый элемент, в наше современное мирозерцание и влияет до сих пор на нашу современную общественную и индивидуальную жизнь. Как же можно вычеркнуть её из программы нашего умственного воспитания?»⁴ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 73]. Ученик отдаёт дань восхищения учителю французского Эдмону Помье, который первым заронил зёрна интереса к философии позитивизма: Помье «сначала читал довольно скучный курс старой французской литературы, но, скоро убедившись, что некоторые из его слушателей очень интересуются его предметом, начал ряд блестящих лекций, в особенности о предшественниках великой революции, о писателях XVIII столетия. “Ты увидишь, — прибавлял он, — как всё это интересно и как все это ново”. У Помье мне действительно удалось многому научиться; добрую память о нём храню я свято, и портрет его до сих пор висит на почётном месте в моём кабинете»⁵ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 80-81]. Так, с глубоким равнодушием, с пристрастностью, обусловленной тягой к положительным знаниям, воссоздаёт Вырубов картину образования в лицее в конце 1850-х гг. Также горячо обсуждает Вырубов с читателем Московский университет, каким застал его в начале 1860-х гг.: «Московский университет переживал тогда свою прежнюю

славу. На место профессоров — либеральных идеалистов, любивших молодёжь и старавшихся затронуть в слушателях живые струны, явились профессора-чиновники, смотревшие на чтение лекций как на скучную обязанность... не было ни настоящей философии, ни точной науки, а были какие-то случайные стремления к неясным целям»⁶ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 111-112].

Немудрено, что страстное желание улучшить систему преподавания, приспособить к нуждам эпохи не утихло в Вырубове и через десятилетия жизни во Франции. Он выдвинул трезвые рациональные предложения, созвучные сегодняшнему дню: «надо повысить требование при поступлении и принимать учеников по конкурсу, ввести в программу преподавания постоянные обязательные практические занятия и обставить получение диплома серьёзными испытаниями»⁷ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 140].

Рецензируемое издание предлагает обширный корпус воспоминаний, касающихся разных сторон и событий чрезвычайно насыщенной и деятельной жизни философа. В нашем кратком обзоре едва ли возможно коснуться всех тем, которые открыла для широкой публики книга. Остановимся на участии Вырубובה в битвах Парижской коммуны в 1871 г. Он спасал и лечил людей неустанно, рискуя быть убитым, не отдыхая и не высыпаясь. Что же подвигло кабинетного учёного кинуться в гущу событий, ему чуждых? — Долг врача. Ведь помимо того, что Вырубов был философом, социологом, химиком, кристаллографом, геологом, физиком, он был и практикующим хирургом — поистине энциклопедист конца XIX в.: «Из 80 только что выбранных членов Коммуны я знал многих лично, других встречал в роли ораторов на публичных собраниях, столь распространённых в последние времена империи. Они представляли очень разношёрстную

³ Вырубов Г. Н. Школьные воспоминания. Александровский лицей (1910).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Вырубов Г. Н. Школьные воспоминания. Московский университет (1910).

⁷ Там же.

толпу, в которой не было особенно выдающегося человека, но были люди честные, доброжелательные, рядом с неудачниками самых разнообразных профессий и совсем дрянными личностями, какие обыкновенно всплывают в смутные дни из глубины народных масс. Но я чужд был и противникам Коммуны, и мне столь же невозможно было стать на сторону версальского правительства, в которое вошли все дрянные обломки старых партий, “ничего не забывших и ничему не научившихся”, несомненно стремившихся так или иначе уничтожить республику. Присутствовать, однако, сидя сложа руки, при этом извержении народного вулкана я никак не хотел; оставалось одно — возвратиться к деятельности в Красном Кресте и помогать по мере возможности больным той и другой стороны»⁸ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 307].

Заметим, что долг врача и патриота подвиг философа оставить Париж и отправиться в действующую армию на Кавказ во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он вновь врачевал и спасал раненых, а также организовал систему передвижных лазаретов. Вот как Вырубов объясняет мотивы своего неожиданного появления на театре военных действий, пряча за некоторой иронией свою уверенность, что во время вооружённого конфликта следует послужить родине, где бы он ни находился ранее: «После осады Парижа сначала немецкими, а потом версальскими войсками я полагал, что покончил навсегда свою военную карьеру. Вдруг вспыхнула русско-турецкая война, сколько помнится — так же для всех неожиданно, во всяком случае, так же бесцельно, как и Франко-прусская 1870 г. Идти за несколько тысяч верст освобождать полудиких болгар, и притом с расстроенными финансами и неорганизованной ещё армией — это было смелое предприятие, которое никакая логика не позволяла предвидеть... Для меня, привыкшего судить о политике с положительной точки зрения, такая

война не могла быть симпатичной, и при других обстоятельствах я, конечно, не принял бы в ней участия. Но за мной был мой грех 1870 года: не будучи ещё французским гражданином, я стал в ряды защитников Парижа; отсюда прямо вытекала для меня обязанность предложить свои посильные услуги отечественной армии...

Великая княгиня [Ольга Федоровна, жена Вел. кн. Михаила Николаевича] приняла меня очень любезно, без всяких придворных церемоний; они, впрочем, вовсе не шли бы к той скромной обстановке, в которой волею обстоятельств ей приходилось жить. Как умная женщина, она принаравливалась ко всем случайностям походной жизни и делала своё дело просто, без всяких излишних затей. Я ей высказал откровенно свои взгляды, радикально отличные от тех, которые тогда практиковались, просил назначить меня на место, где я мог бы их беспрепятственно приложить на практике, и поддержать меня, если то понадобится. Она послала меня в Эриванский отряд, где, по её словам, Красный Крест был в страшном беспорядке, не принося никакой пользы, и обещала устранять могущие встретиться препятствия. Обещанье своё она исполнила, и я сохраняю о моих сношениях с ней не только приятное, но и благодарное воспоминанье»⁹ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 356, 361].

Социокультурные очерки Г. Н. Вырубова

Когда же составители издания обратились к публикациям Вырубова в газетах XIX в., их и тут ждало открытие. Едва оторвавшись от России во второй половине 1860-х гг., находясь во Франции и пристально, немного отстранённо наблюдая её социальную жизнь, молодой Вырубов горел желанием познакомить русского читателя с особенностями общественного менталитета французов, с тенденциями политического развития общества. Он замечал неизбежное сходство с некоторыми

⁸ Вырубов Г. Н. Между двумя войнами (1870–1877). Парижская коммуна [1871 г.] (1914).

⁹ Вырубов Г. Н. Военные воспоминания. Русско-турецкая война 1876–1877 гг. (1911).

российскими умственными течениями, обнаруженными им в ходе наблюдения над разными слоями активного французского общества. И полагал, что систематическое их описание пойдёт на пользу думающим русским людям, находя во французском обществе, наряду с прогрессивными тенденциями, глубоко опасные, противоречивые, ведущие к «историческим тупикам». Получилась серия последовательных социокультурных очерков — вид публицистики, совершенно новый для российской периодики. Фактически в данном издании впервые увидел свет социологический анализ Вырубова, построенный на материалах прессы, так сказать «извлечённый из газет». Так, автор любопытным образом характеризует известную российскому читателю по сочинениям И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского особую социальную группу «нигилистов», сделав упор на их национальной принадлежности: «Я хочу сказать несколько слов о том немногочисленном, но интересном классе людей, которых я назову *«французскими нигилистами»*. Вам название это покажется, конечно, на первый взгляд несколько странным. Нигилизм — явление до такой степени отечественное, до такой степени социально принадлежащее крайнему северу, что нет никакой возможности найти что-нибудь подобное ему в блестящей западной цивилизации вообще и особенно во Франции... Обратите внимание на те эпохи жизни народов, когда общественный строй, веками накопленные верования, из поколения в поколение передававшиеся нравы по каким бы то ни было причинам начинали разлагаться, слабеть, приходить в упадок. И вы увидите, что эпохи эти были колыбелями совершенно своеобразных философских систем, весьма различных по форме, по подробностям, но схожих в одном: все они с яростью отрицали прошедшее, все они презирали старое во имя чего-то неизвестного, неопределённого, нового. Вот эту-то критическую философию, периодически под разными видами повторяющуюся в истории, и следует,

собственно говоря, назвать нигилизмом... Что такое французские нигилисты? Они в самом деле вовсе не похожи на наших, и говорят они совсем другое, и поступают они совершенно иначе. У нас они устраивали коммуны, ассоциации, эмансипировали женщин, носили какие-то особенные мундиры, игнорировали систематически всё то, что не принадлежит к естественным наукам, и с особым жаром ругали всякое искусство.

Здесь совсем иное: здесь коммун никаких нет и не было... женщин эмансипируют только слегка и одеваются решительно как все люди, большей частью, насколько средства позволяют, довольно изящно, изучают по-прежнему социальные науки... Но если смотреть на нигилизм как на известного рода протест против известных условий быта, а не как на определённую сумму философских догматов, то становится очевидным, что здешние нигилисты совершенно такие же, какими были наши... Сами они чувствуют, что никакая революция не совершится во имя их идей, что всегда и везде, как бы ни было либерально правительство, они будут играть в обществе роль пугал, роль апокалипсических зверей. В этом-то и заключается их особенность, что такая роль им нравится, что для неё они живут. «Надо пугать трусливых буржуа, это им здорово», — говорил мне раз один из корифеев этого легиона, когда я ему заметил, что он где-то сказал слишком резкую речь»¹⁰ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 169–176].

Структура книги

Помимо интересного содержания, хотелось бы также выделить выверенную структуру книги. Составители стремились поместить наибольшее количество текстов философа, найденных на русском языке. Так, в соответствии с воспоминаниями, где описывается раннее взросление Вырубова, ранний выбор им философского пути, они помещают статью «Россия и позитивизм»,

¹⁰ Вырубов Г. Н. Французские нигилисты. Из Парижской жизни. Политика (1869).

написанную автором в 22 года и опубликованную как предисловие к переведённой Вырубовым книге Эмиля Литтре «Несколько слов по поводу положительной философии»¹¹ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 144–163]. Он пишет: «Все философии разрушались перед неумолимым судом реальности. Массу нельзя увлечь теми трансцендентальными принципами, которыми наслаждаются философы; она движется медленно, но верно, более чувствуя, чем сознавая лежащую перед нею цель. Это чувство, смутное и неопределённое, философия должна его усвоить, если она хочет приобрести историческое значение. Это не произвольное мнение — это вывод из событий, прожитых человечеством... Как в средние века был бог, как в XVIII в. была личность, так в наше время стал социализм всеобщим девизом — это факт, который не подлежит никакому сомнению. Позитивная философия, как продукт времени, не могла не принять этого девиза: она не только развила его, она дала ему научную санкцию... Сознавая социальную пользу позитивизма, мы будем проповедовать его, несмотря ни на какие неудачи; придёт день, когда молодое русское поколение скажет нам спасибо»¹² [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 145–146, 163].

А вслед за рассуждениями об особенностях фундаментального гуманитарного образования в мемуарах составители публикуют исследовательское обоснование Вырубова, адресованное чиновникам и посвящённое возможным переменам в программах базового цикла, которые бы пошли на пользу российскому студенчеству¹³ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 269–296]. Так, он настаивает: «В чём должна заключаться программа высшего общего образования?.. Недаром оно прежде обозначалось словом *humanité* — оно действительно должно обнимать не скажу всю сумму, но весь цикл человеческих знаний. На это специалисты всех профессий обыкновенно

торжественно заявляют, что всего знать нельзя. Это совершенно справедливо или совершенно несправедливо, смотря по тому, как понимать здесь слово всё. В точном знании не надо смешивать две совершенно различные вещи: с одной стороны — факты, с другой — методы и общие законы. Фактов вполне никто знать не может, и учёный, много лет трудящийся, их не знает всех, даже в своей узкой специальности; метод и общие законы всем доступны, и только совокупность их может образовать правильный умственный строй... 1) в общеобразовательном заведении должны преподаваться все отделы знания, т. е. математика, астрономия, физика, химия, биология и общественные науки; 2) науки эти должны преподаваться не в некоторых, произвольно избранных их частях, а целиком. Но зато преподавание должно быть не описательное... а догматическое... Даже в общественных науках, где описательный способ необходим, надо, как справедливо выразился академик В. П. Безобразов, “не гоняться за обилием сведений по этой отрасли, а преимущественно заботиться о солидности знания и, главное, о серийности их общего духа”... Программы, раз установленные по зрелом их обсуждении, должны сохраняться до последней возможности, несмотря на перемену профессоров, и изменять их надо только при крайней необходимости, и то не с плеча, а легкой рукой. Даже плохой план, проведённый последовательно, в учебном деле лучше беспорядочных колебаний»¹⁴ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 291–294]. Мы видим, что новатор-исследователь в деле фундаментального образования стоит на консервативных позициях: выверенный академический цикл предметов не должен урезаться в угоду веяниям времени, а частое изменение учебных программ ведёт к их заведомому ухудшению. Не правда ли, есть над чем задуматься и сегодня?

¹¹ Вырубов Г. Н. Позитивизм и Россия. Юношеская статья (1865).

¹² Там же.

¹³ Вырубов Г. Н. Записка об устройстве Императорского Александровского лицея и программах преподавания в нем. О реформе образования (1898).

¹⁴ Там же.

Оценка современников. Мыслитель, подвижник

Оправданное место занимают в издании воспоминания современников о Вырубове. Особый интерес представляют их выводы о роли учёного в создании нравственного и научного климата в среде мыслящей научной молодёжи. Эти комментарии также найдены составителями в периодической печати. Особо хочется отметить сочинения видного в своё время писателя П. Д. Боборыкина, крупного социолога Е. В. Де Роберти и знаменитого учёного-естествоиспытателя К. А. Тимирязева.

Так, Де Роберти пишет: «Вырубов, думается нам, должен быть включён именно в разряд умственных вождей и руководителей... Ещё совершенно молодым человеком, он вместе с Литтре в 1867 г. основал и в течение 17 лет (до 1884 г.) издавал в Париже журнал «La philosophie positive», сыгравший такую видную роль в умственной жизни Европы конца XIX века... Тогда вся передовая интеллигенция Франции, и научная, и философская, и политическая, либо сотрудничала в знаменитом обозрении, либо внимательно прислушивалась к той горячей проповеди, к тому глубоко осмысленному изложению дотоле известного лишь немногим «посвящённым» учения, который давал повод сравнивать роль Литтре и Вырубова по отношению к позитивизму — с ролью апостола Павла в истории христианства»¹⁵ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 502]. В нём было, — продолжает друг Вырубова, — «даже что-то аскетическое, очищавшее его внутренний мир от бесчисленных мелочей и суетливых забот повседневной жизни. Такое именно впечатление делал он в особенности на тех, кто не мог понять (а иногда и простить ему) его глубокого отвращения ко всякого рода рекламе, самовосхвалению, протискиванию вперёд, карьеризму, к интригам

и подсиживанью. Он был “альтруистом” в лучшем смысле слова и буквально применил великий нравственный завет Конта: *Vivre pour autrui* [Жить для других]. Он отважно боролся против зла, но только против зла, причиняемого или грозящего другим. За собственные обиды он никогда и никому не мстил. Все это, вместе взятое, как нельзя более способствовало обращению Вырубова в “исповедника”, в “руководителя совестию” кружка талантливых людей, которые почти все оставили глубокий след или в науке, или в философии, или в литературе, или на различных поприщах практической деятельности. Далеко не один Жюль Ферри мог с полным правом назвать его своим *directeur de conscience* [руководителем совести, духовным наставником]»¹⁶ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 503]. Люди, ценившие Вырубова, сами были незаурядными личностями, крупными деятелями культуры или науки. Их образные описания героя имеют самостоятельную литературную и даже художественную ценность. П. Д. Боборыкин создал портрет нашего героя в одном из своих романов — в издании правильно и к месту приводится отрывок из него: «Худощавый, стройный, чуть-чуть сутуловатый мужчина лет двадцати шести, с бледным лицом, впалыми карими глазами и необычайно тонким для русского носом; небольшая бородка, разделённая на два клинышка, и тёмные волосы, закинутае за уши, давали его облику что-то юношеское, стыдливое, почти целомудренное... Его мягкие движения, тонкая юношеская фигура и в особенности выражение лица отгоняли от него и его вещей всё чопорное и самодовольное»¹⁷ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 492–493].

Отдал дань восторгов Вырубову в обширном очерке К. А. Тимирязев: «Странное дело, мы были с Вырубовым, как я узнал позднее, в сущности, сверстники, год в год, но он мне казался старше меня, а себя в сравнении с ним я чувствовал студентом.

¹⁵ Де Роберти Е. В. Памяти духовного вождя (1914).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Боборыкин П. Д. В усадьбе и на порядке [Фрагмент] (1876).

Зависело, конечно, это от его большей жизненной опытности и знания людей и его громадной, разнообразной начитанности, но, я думаю, многое зависело и от внешности. Рост его был выше среднего, впалая грудь, слегка сгорбленная фигура, да ещё, дома, почти неизменная чёрная шелковая *calotte* [шапочка] — неизбежный головной убор старого профессора — и консьержа, — всё это старило его не по летам. Худое лицо с резко выраженным горбатым носом и глаза, то слегка прикрытые тяжёлыми, будто усталыми, веками, то, при малейшем возбуждении, широко раскрывавшиеся, будто выходявшие из орбит, придавали его речи особую живость, особую страстность, производя впечатление глубоко убеждённого человека, которому никогда не безразлично то, что он говорит или что ему отвечают. Эта живость и убеждённость его речи невольно подкупала в его пользу, даже когда его речь, при встрече противоречия, доходила до преувеличенной страстности и доводила его до парадоксов — впрочем, всегда остроумных и умело защищаемых»¹⁸ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 526].

Участие потомков в издании

Другой важной особенностью издания является то обстоятельство, что комментарии к мемуарам составлены при участии родственников философа. И если стороннему исследователю пришлось бы столкнуться с ситуацией, когда трудно или невозможно найти — что очень важно для понимания личности философа — фотосвидетельства, запечатлевшие его оригинальный облик, то в данном издании сконцентрированы все сохранившиеся видеоматериалы. Среди них и дары российским музеям двоюродного внука философа, Николая Васильевича Вырубова, героя французского Освобождения, соратника и друга генерала Шарля де Голля. Также представлены вводные статьи

Н. В. Вырубова и его племянника Н. Д. Лобанова-Ростовского, правнука Григория Вырубова, которые содержат любопытные ранее неизвестные сведения частного характера из истории семьи и факты о генеалогических связях рода.

Подробно рассказана Н. В. Вырубовым история избрания Вырубова на пост главы первой в мире кафедры истории науки в Collège de France в Париже¹⁹ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 22–29]. Почему это важно? За всю историю научной жизни Франции, помимо Вырубова, из россиян одному только И. И. Мечникову удалось занять руководящий научный пост во Франции — в парижском Пастеровском институте. Французская научная среда ревниво относится к чужестранцам, которые могли бы возглавить её научные учреждения. Чтобы такое назначение состоялось, нужны безоговорочные научные заслуги и безусловный научный авторитет. Что и произошло в случае с Григорием Вырубовым.

Н. Д. Лобанов-Ростовский повествует о взаимоотношениях Г. Н. Вырубова с младшим братом, его прадедом В. Н. Вырубовым, о нравственном влиянии, которое оказала деятельность философа на его дядю, Николая Васильевича Вырубова, раскрывает роль дяди в сохранении наследия Г. Н. Вырубова. Он вспоминает эпизоды, которые поглотила бы Лета, если бы не семейная память. Например, такой любопытный случай: «О трости, моему наследству от прадеда, — её сопровождает семейная легенда. Однажды Григорий Вырубов шёл по улицам Парижа, и на него агрессивно напал вор с желанием ограбить. Вырубов отразил натиск — он ударил преступника тростью, и тот упал замертво. Вырубов вызвал полицию. Позже состоялся суд, который полностью оправдал его — он защищался. Увы, трость пропала в 2014 г., при моём переезде из одного дома в другой в окрестностях Лондона»²⁰ [Григорий Николаевич Вырубов..., 2024: 21].

¹⁸ Тимирязев К. А. Григорий Николаевич Вырубов. Обрывки личных воспоминаний (1914)

¹⁹ Вырубов Н. В. Григорий Николаевич Вырубов (1843–1913). Кавалер Почётного легиона за военные заслуги. Профессор Коллеж де Франс (1999).

²⁰ Лобанов-Ростовский Н. Д. Мой двоюродный прадед (2024).

Исследовательская статья Е. С. Федоровой излагает соображения, позволяющие ей, как нам кажется, убедительно расшифровать некоторые стороны до сих пор загадочной фигуры Г. Н. Вырубова. Главы статьи так и называются: *Нигилист? Атеист? Интеллигент? Как понимать позитивизм Г. Н. Вырубова?* и пр.

Данное издание — новый информационный пласт, касающийся как необычайной судьбы и личности Г. Н. Вырубова, так и его эпохи. Энергичный стиль

повествования Г. Н. Вырубова, яркий, сочный, образный русский язык, острый взгляд аналитика, скрупулёзное описание событий, при которых автор присутствовал, думается, должны захватить всех, интересующихся историей, и мемуаристикой. Бесспорно, начало освоению наследия оригинального мыслителя положено удачно. Надеемся, что за этим изданием последует второй том, содержащий наиболее значительные гуманитарные сочинения Г. Н. Вырубова, переведённые с французского.

Список литературы:

Григорий Николаевич Вырубов: русский философ-позитивист в европейском контексте: воспоминания / составители Н. Д. Лобанов-Ростовский, Е. С. Федорова, под редакцией Е. С. Федорова. — Москва: Языки славянских культур, 2024. — 560 с.

References:

Lobanov-Rostovsky, N. D. and Fedorova, E. S. (eds) (2024) *Grigorij Nikolaevich Vy`rubov: russkij filosof-pozitivist v evropejskom kontekste: vospominaniya* [Grigory Nikolaevich Wyruboff: Russian positivist philosopher in the European context: memoirs]. Moscow: Yazy`ki slavyanskix kul`tur Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Ольга Дмитриевна Вишнякова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ) (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Olga D. Vishnyakova — Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English linguistics, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, 1st building of the humanities faculties (1st GUM), GSP, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.